

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья
УДК 37.016:811.161.1(09)
<https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-3-7-16>

Формирование учебно-деловой эпистографической традиции в отечественной дидактике во второй половине XVII века

Светлана Николаевна Карамышева¹

¹ Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, irk-svetlana961@mail.ru

Аннотация

Преодоление хронологического разрыва между прошлым и настоящим является актуальным условием процесса дидактического традиционирования новой учебной дисциплины «Русский язык и деловая коммуникация». В то же время соотнесение содержательного и методического наполнения данной учебной дисциплины с историко-дидактическим континуитетом предполагает непосредственное обращение к тем историческим условиям, которые объективировали генезис и закрепление учебно-деловой эпистографической традиции в отечественной дидактической практике. Комплексный анализ ситуативных изменений, вызванных во второй половине XVII в. началом процессов формирования регулярного государства, проведенный в рамках историко-антропологического и социокогнитивного подходов, позволил выделить ряд значимых оснований, которыми было обусловлено появление рукописных азбук-прописей с образцово-деловыми письмовниками. Появление и последующее распространение данного вида азбук является маркерно значимым документным фактом ментально-когнитивной перекодификации общественного сознания с тотальности сакрально-религиозных смыслов на параллелизм божественного промысла и секулярно-деловой семантики, когда упование на божественную справедливость сопрягалось с необходимостью следования в заданных рамках административно-бюрократического соответствия. Достигнутые в ходе исследования результаты позволяют утверждать о том, что процесс формирования отечественной учебно-деловой эпистографической традиции изначально имел ситуативно объективированный и автохтонно заданный характер, тем самым определяя ее специфические черты, а именно утилитаризм, прескриптивность и дидактический прагматизм. При этом самым фактом распространения учебно-деловой эпистографической традиции, которая, по сути, являлась вариантом дидактического опосредования надсословного принципа «государевой» службы, задавались житейско-практические основания для позитивной включенности в разворачивающиеся процессы формирования регулярного государства.

Ключевые слова: азбуки-прописи, образцово-деловой письмовник, обучение грамоте, прескриптивно-эпистографический подход

Для цитирования: Карамышева С. Н. Формирование учебно-деловой эпистографической традиции в отечественной дидактике во второй половине XVII века // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2024. Вып. 3 (55). С. 7–16. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-3-7-16>

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Original article

Formation of educational and business epistolographic tradition in native didactics in the second half of the 17th century

*Svetlana N. Karamysheva*¹

¹ *Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, irk-svetlana961@mail.ru*

Abstract

Bridging the chronological gap between the past and the present is an urgent condition for the process of didactic tradition of the new educational discipline «Russian Language and Business Communication.» At the same time, the correlation of the substantive and methodological content of this educational discipline with the historical and didactic continuity implies a direct appeal to the historical conditions that objectified genesis and the consolidation of the educational and business epistolographic tradition in domestic didactic practice. A comprehensive analysis of the situational changes caused in the second half of the 17th century by the beginning of the processes of forming a regular state, carried out within the framework of historical, anthropological and sociocognitive approaches, made it possible to distinguish a number of significant grounds that caused the appearance of handwritten alphabet copy-books with exemplary business letter-writers. The appearance and subsequent spread of this type of alphabet-books is a marker significant documentary fact of mental-cognitive recodification of public consciousness from the totality of sacred-religious meanings to the parallelism of divine providence and secular-business semantics, when reliance on divine justice was coupled with the need to follow within the given framework of administrative-bureaucratic accordance. The results achieved during the study make it possible to assert that the process of forming a domestic educational and business epistolographic tradition initially had a situationally objectified and autochthonously specified character, thereby defining its specific features, namely utilitarianism, prescriptivity and didactic pragmatism. At the same time, the very fact of the spread of the educational and business epistolographic tradition, which, in fact, was an option of the didactic mediation of the supra-chiefdom principle of the «sovereign» service, the practical grounds for positive inclusion in the unfolding processes of forming a regular state were set up.

Keywords: *alphabet copy-books, exemplary business letter-writers, literacy training, prescriptive-epistological approach*

For citation: Karamysheva S. N. Formirovaniye uchebno-delovoy epistolograficheskoy traditsii v otechestvennoy didaktike vo vtoroy polovine XVII veka [Formation of educational and business epistolographic tradition in native didactics in the second half of the 17th century]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye – Pedagogical Review*, 2024, vol. 3 (55), pp. 7–16. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-3-7-16>

Вторая половина XVII в. в отечественной истории была отмечена активизацией разноуровневых процессов, направленных на централизацию государственной власти. Уездное наместничество замещалось системой воеводского управления. Интенсивно отстраивались и закреплялись административно-бюрократические связи по линиям центр – периферия, расширялась и усложнялась делопроизводственная номенклатура, кратно увеличивался бюрократический аппарат как в самой столице, так и в уездах, где воеводская канцелярия, или приказная палата, была своего рода уездной калькой со столичной административно-бюрократической системы управления, учитывающей географическую и экономическую специфику конкретного уезда. При этом только дьяк, возглавлявший приказную палату, назначался из Москвы, а подьячие, ведавшие столами, стряпчие и пис-

цы, трудившиеся в них, рекрутировались из грамотной части местного населения. Более того, в ряде регионов (Владимирский уезд, Вологодский уезд, Двинский уезд и др.), помимо воеводского правления, по-прежнему сохранялась общинно-выборная традиция. Мир в порядке самоуправления продолжал выбирать всеуездного и городских старост, погостных и посельских старшин, земских судеек, целовальников, окладчиков и т. д., для чего требовались люди грамотные и для которых «такое дело было в обычай» [1, с. 418]. Но, кроме обычая и традиций, административная деятельность представителей выборной земской власти регламентировалась и конкретикой бюрократических требований, в том числе и в части, касающейся документооборота. Поэтому именно в этих землях Русского царства во второй половине XVII в. шло наиболее активное формирование общинного запроса на утилитарно-целевое обучение. Как следствие – кардинальное изменение в содержательном наполнении рукописных азбук-прописей, в которых традиционные религиозно-прецедентные тексты, предназначенные для ученического списывания, были частично замещены и дополнены текстами делового содержания, сгруппированными в образцовый письмовник. Самыми ранними из известных на сегодняшний день азбук, содержащих образцово-деловые письмовники, являются «вологодская» и «шуйская» азбуки-прописи.

«Вологодская» азбука-пропись, или «Азбука в научение младым детям», датированная 1643 г. и ныне хранящаяся в Румянцевском фонде отдела рукописей РГБ, впервые была описана Н. А. Марксом в 1911 г., особо отметившим в комментариях к ней наличие образцов деловых документов [2, с. 11]. Образцово-деловой письмовник, расположенный в заключительной части пятиметрового азбучного свитка, состоит из челобитной «Царю Государю и Великому князю Михаилу Федоровичу...», кабальной записи (долговой расписки), оформленных в соответствии с требованиями делопроизводственных правил XVII в., а также двух вариантов писем частного характера.

«Шуйская» азбука-пропись, которая была описана шуйским купцом и краеведом В. А. Борисовым в 1854 г., датировалась им началом правления царя Алексея Михайловича, так как в чине царского величания, помещенном на первом азбучном листе, отсутствовала фраза «Малыя и Белья России», закрепленная в титуле русских царей после октября 1654 г. Здесь следует отметить то, что в формуле царского величания, являвшейся обязательным атрибутом ряда деловых документов (актов, грамот, челобитных и т. д.), не допускались какие-либо неточности, даже наличие в ней грамматической ошибки переводило любой документ в разряд недействительных и не подлежащих к рассмотрению. Поэтому чин царского величания был неотъемлемым атрибутом азбук-прописей и приводился в полном соответствии с требованиями соответствующих царских указов. Что же касается структурно-содержательного наполнения «шуйской» азбуки-прописи, то оно было представлено прописным алфавитом, за ним следовали текст молитвы «За Святых Отцов» и несколько кратких нравоучений, после которых располагался образцово-деловой письмовник, представлявший собой вклейку из «списков с челобитьев посацких людей и актов земской шуйской избы» [3, с. 57].

Факт появления и последующего распространения азбук-прописей с образцово-деловыми письмовниками является, пожалуй, самым ярким иллюстративным примером того, что под экспансивным воздействием перманентного административно-бюрократического прессинга документные тексты на уровне общинного сознания стали восприниматься с такой же безапелляционной достоверностью, как и тексты религиозно-прецедентного характера. Впрочем, здесь, по нашему мнению, следует говорить не столько об одном из проявлений целесообразно-конформистского прагматизма, характерного для русской общины, сколько о выстраивании нового ментально-когнитивного баланса, при котором религия постепенно утрачивала свою всепроникающую данность, в то время как административно-бюрократическая экспансия обретала значимость ситуативно осознанного и соответственным образом отрефлексированного факта. Причем оба эти процесса были актуализированы властными действиями.

В 1651 г. решением Московского собора, проведение которого инициировало с согласия царя Алексея Михайловича его ближайшее окружение, был наложен, вопреки мнению патриарха Иосифа

фа, категорический запрет на многогласие церковных служб и введено их единогласное чтение. Несмотря на то что принятие решения предварялось и сопровождалось душеспасительной аргументацией, приводимой авторитетными церковными иерархами, оно вызвало крайне негативный отклик среди приходского духовенства и мирян-общинников. Дело в том, что община, руководствуясь едиными для всех предопределенными манящей душеспасением вечности, структурируя и упорядочивая ими житейскую повседневность, отстраивала на протяжении столетий практику соучастного единения, основанного на посильной соразмерности.

Практицизм посильной соразмерности, в том числе и соразмерности временных затрат, был основой общинных отношений не только с внешним миром, но и с Богом. Ведь Всевышний вечен и вездесущ, и, пребывая в своей вечной вездесущности, он не только слышит в многоголосой сумятице каждый взывающий к нему голос, но и купно воспринимает вразнобой звучащие славословия. Отсюда вековое следование традиции многогласия, что позволяло, не нарушая церковно-уставных предписаний, за счет одновременно-купной вычитки молитвословий, входивших в разные части церковной службы, кратко сокращать время пребывания в храме. Таким образом, продолжительность церковных служб могла быть скорректирована под повседневные общинные нужды, чем в конечном итоге и обуславливалось практическое значение традиции многогласия. Более того, традицией многогласия, спроецированной в сферу житейской повседневности, фундировалась на сакральном уровне поведенческая общинная матрица, центрированная многоголосием общинного схода.

Запрет на традиционное для общинного сознания многогласное единение в приобщении к душеспасительной вечности как на «шум еретический» и проявление религиозного невежества с одновременным введением единогласия в качестве дисциплинирующего фактора обусловил не только формирование единства единоличных ответственностей за религиозное долженствование и благочестие, но и кратное увеличение продолжительности «истового стояния» в храме. В то же время общинный сход, лишенный своего сакрального основания, изымался из соответствующей иерархии управления, становясь архаичным обычаем, подлежащим административно-бюрократическому контролю и регулированию. Некогда единый эталон соразмерно-соучастного общинного единения распадался на целый ряд единоличных ответственностей, и личное благополучие всех и каждого зависело уже не столько от «приговоров» общинного схода, сколько от тех решений, которые исходили из приказной избы. Таким образом, власть, дисциплинируя религиозную жизнь сельской и посадской общин, закрепляла в общинном сознании новый императив долженствования, а именно императив регулярной исполнительской дисциплины как основы новой государственной парадигматики, в которой справедливость и надежда на помощь и спасение сопрягались не только и не столько с контрфактичностью молитвенных обращений, сколько с фактажной конкретикой должным образом оформленной челобитной.

Впрочем, подводя под единый знаменатель авторитарного администрирования практически все сферы общественной жизни, власть в некоторой мере компенсировала радикализм своих действий ситуативно открывавшимися возможностями определенных выгодоприобретений. Речь в данном случае идет о расширении практики внесловного подхода к рекрутированию на административно-государственную службу, при котором принцип кровно-отеческой родovitости начинал играть второстепенную роль. Причем данная тенденция имела повсеместное распространение и коснулась даже высшего звена административно-бюрократического аппарата, а именно дьяческих мест в московских приказах. Так, если к концу царствования Алексея Михайловича среди приказных дьяков насчитывалось только 33 % не принадлежавших к дворянскому сословию, то за шестилетнее правление царя Федора Алексеевича в числе высших приказных чинов недворянского происхождения значилось уже 47 %. При этом дьяки из разночинцев имели возможность «проводить своих сыновей по Московскому списку», т. е. их сыновья зачислялись в московское дворянство [1, с. 395–396]. Принадлежность к административно-бюрократическому аппарату предполагала и другие префе-

ренции, в частности, помимо казенного содержания, были узаконены обычаем «почести и поминки челобитные», взываемые соразмерно занимаемому месту, причем «кормление от дел и челобитьев» могло кратно превышать размеры казенных окладов [1, с. 406].

Таким образом, формировалось властное предложение, адресованное в первую очередь низшим сословиям (рядом царских указов декларировался запрет на административную службу для выходцев из духовенства), если не гарантировавшее, то предоставлявшее возможность выхода из «подлого» состояния. Новая перспектива, подламывая извечный параллелизм сословий и задавая небывалую потенцию сословных перекрестков, вычерчивала на эмпирическом уровне соответствующий остроте исторического момента вектор социальной маршрутизации, начальный этап которой лежал в сфере обучения.

Несмотря на неоднократные попытки модернизационных коррективов (Ртищевское вольное учебное братство (1648), Спасская школа Симеона Полоцкого (1665), Иоанно-Богословское училищное братство (1668) и др.), имевших, как правило, частно-инициативную подоплеку, отечественная система образования во второй половине XVII в. продолжала существовать в ситуации автономного дрейфа, не подвергаясь административно-бюрократическому регулированию ни со стороны царской власти, ни со стороны церкви. Единственным регламентационным документом этого периода была «Привилегия Московской академии» (1682, 1685), но, не получив царственного утверждения, она так и осталась актом декларативного характера, не привнеся в вековой порядок «учения книжного» сколько-нибудь значимых изменений. Всё так же, как и в прошлые столетия, тот, кто «извыче учение книжное» мог, пройдя обязательный этап «нудительного служения», быть избранным на общинном сходе в качестве приходского священника или сесть на «кормление учительное» и, сообразуя свою деятельность с запросами общины, обучать детей грамоте. Но если на протяжении веков система обучения являлась общеинтегративным внесословным фактором («Яко вода много покры море? – Вода – учение книжное, а моремь мирь наречеся» [4, с. 171]), то со второй половины XVII столетия начинают оформляться тенденции когнитивно-функциональной дифференциации, которыми обуславливалась инактуализация традиционного для процесса обучения двухкнижия (часослов и псалтырь) и обрисовывался актуальный контур секулярных знаний. Так, в одном из азбуковников этого периода его составитель оговаривал следующее: «...ктому не глаголю ти о Часословѣ и Псалтыри, безъ нихъ же сіе (обучение. – С. К.) не бываетъ. Но се тебѣ едино реку, вниди умомъ внутрь себе и всею сердечною мыслию обноси вся книги тесненыя и писменныя, великія и малыя, славныя и не славныя, и же пристойно царской власти, во всѣхъ судебныхъ полатахъ, тако же и во всемъ духовенствѣ чинахъ, и во всенародномъ множествѣ, и до поселянъ, всякія дѣла и крѣпости откуду вразумляются и вчиняются, и чимъ устрояются» (цит. по: [5, с. 29]). Тем самым обозначались новые когнитивные горизонты, пресекавшие традиционный параллелизм горнего и дольного, божественного и мирского, и которыми оттенялись потенции понимания секулярного, гражданского долженствования. «Егда примуть разумъ, благъ и доволенъ, да учими будутъ страху Божию, и мудрости, еже како Богу жити, разумѣнію и искусству, какъ честно гражданствовати въ мирѣ», – рекомендовал Симеон Полоцкий (цит. по [6, с. 262]). Кстати сказать, автор «Обеда душевного» и «Вечери душевной», соотнося понимание «честного гражданствования» с уровнем образования, говорил о необходимости освоения семи свободных искусств. Так, он писал: «Здѣ знаменати годствуетъ и увѣститися всѣмъ лѣно есть, яко не гаждаются (осуждаются, порицаются) здѣ художества свободная: грамматика, риторика, философія и прочая, яже зѣло есть полезна во гражданствѣ и к духовной премудрости пособственна» (цит. по [7, с. 170]).

Впрочем, эти рекомендации, манифестируя интеллектуализированные предощущения размышляющих книжников, больше носили декларативный характер, чем отражали дидактические реалии второй половины XVII в., в которых сохранялась ритуализированная традиционность, заданная еще решениями первых Вселенских соборов. Ведь тот же Симеон Полоцкий утверждал следую-

шее: «Творити же и учити: сеже, яко удобнѣй путь есть познанія чрезъ образы, нежели учениемъ языка» [8, с. 624]. Образ как первоначальный познавательный посыл и как назидательный, объяснительный, иллюстративный или эталонно-образцовый пример по-прежнему сохранял свое значение в качестве основного дидактического элемента процессов обучения и научения. Даже практика составления церковных проповедей предполагала следование эталонно заданным образцам. Так, например, в «Ключе разумения» указывалось следующее: «Изъ слова на св. великомученика Георгія ты можешь составить на св. Димитрія, Прокопія, Евстафія и другихъ мучениковъ: та же будетъ тема: тотъ же экзордіум, та же наррація и конклюдія, только тамъ, гдѣ я говорю о св. Георгіи, ты называй св. Димитрія, Евстафія и др.» [6, с. 273].

Поэтому отклик системы обучения, вынужденно нисходившей с горних высот «Богом преданных словес» к дольным «людоправным строениям», носил сугубо инволютивный характер. К новому содержанию применялись старые методы обучения, и привычный универсализм образца переносился в новые дидактические условия, возникшие в результате пересечения двух онтологий, онтологии «небесного», или евангельского Слова, и онтологии мирских «словобытностей». Отсюда, с одной стороны, стремление задать неизменно-образцовую семантику, которой бы опосредовался весь спектр общественно значимых человеческих проявлений (поступков, стремлений, желаний и даже аффектов, то есть всего того, что могло быть соотносимо с пониманием «честного гражданства»), а с другой – вознесение человека до уровня евангельского притчевого этоса. Наиболее иллюстративными в этом плане являются образцовые «приветства» к адресатам, или «слоги единострочниі до великославныхъ предъ скипетродержавнымъ Царемъ близкостоятелей и коимъ же иночинныхъ въ пишемыхъ грамоткахъ писати годствуетъ». Например, такие, как: «Сидору Павловичу: небеснаго и нерукотворенаго Іерусалима написанному гражданичу»; Прохору, «во отвѣтѣхъ тихому говору» или «любящему житіемъ пустынную гору»; Марку, «готовящемуся къ небесному браку» или «разрушающему злбную драку» и т. д., которые приводились еще Д. Л. Мордовцевым в обзорно-аналитическом труде «О русских школьных книгах XVII века». Давая описания двух азбучников второй половины XVII в., имевших дидактическую направленность, он обращал внимание на то, что в одном из них имелся обширный раздел систематизированных материалов эпистолярного характера. Причем, по словам Д. Л. Мордовцева, эти эпистолярные материалы составляли «как бы часть школьных учебников, необходимую часть этих руководств, и сверх всего, этих образцовых сочинений в нашем сборнике несколько: письма занимают больше ста листов и „привѣтства“ столько же» [5, с. 68]. Подбор, оформление, упорядочивание эпистолярных материалов и их систематизированное закрепление в азбучнике свидетельствуют о том, что в период 1660–1684 гг. (эти даты указаны Д. Л. Мордовцевым в качестве хронологических рамок работы составителей азбучника над эпистолографическим разделом) фиксировалось, по крайней мере на частно-инициативном уровне, сформированное отношение к эпистолографии как к необходимой части содержательного наполнения дидактического процесса, не только задававшей и представлявшей лексико-коммуникативную специфику образцовых «посланий и написаний», но и обрисовавшей поведенческую эталонность в плане гражданского долженствования, явленную через образцово-эпистолярную конкретику.

С 1686 г. процесс формирования эпистолографической традиции, помимо частно-инициативных моментов, обретает и «академическую» составляющую, что было обусловлено деятельностью Иоанникия (1633–1717) и Софрония (1652–1730) Лихудов в качестве учительных наставников Заиконоспасского училища. Кефаллонийские братья являлись последовательными протагонистами классической европейской образованности, где *ars epistolica* традиционно определялась в качестве одной из результирующих частей процесса обучения латинской грамматике. Так, например, она входила наряду с синтаксисом, просодией, орфографией и прочим в неоднократно издававшийся учебник *Commetarii grammatici*. При этом автор этого учебника известный грамматик Жан Деспатерий, или *Ioannes Despauterius Ninivita* (1460–1520), отмечал особо: «Эпистолярная речь должна

быть только латинской, простой и элегантной. Ведь латынь – это конец всего варварства, конец всей речевой неумелости» [9, с. 634]. Поэтому, следуя в русле европейской образовательной традиции, братья Лихуды в преддверии курса риторики обучали своих «спудеев» тонкостям эпистологографического искусства. С этой целью они составили на греческом языке учебное пособие «О системе эпистолярных стилей», или «Περὶ τῆς τῶν ἐπιστολικῶν χαρακτήρων μεθόδου», в котором эпистологографические стили были представлены в рамках аристотелевской видовой систематики, как то: эпидейктический (ἐπιδεικτικόν), публичный (δημηγορικόν) и судебный (δικανικόν) виды эпистолярного жанра. В общей сложности в учебном пособии на соответствующих примерах рассматривалось порядка 29 эпистолярных стилей [10, с. 93]. О том, как братья Лихуды выстраивали процесс обучения эпистологографии, позволяет судить учебный письмовник «Эпистолии деланыя учениками», или «Ἐπιστολαὶ ἐργασμένοι ἀπὸ τῶν μαθητῶν», который входит в состав сборника № 41 Копенгагенской королевской библиотеки. Все послания из учебного письмовника – это результат коллективного труда учеников, «которые пишут каждый свою часть по очереди, указывая сбоку свое имя. Среди адресатов этих посланий (они являются ученическими упражнениями и, естественно, никогда не были отправлены тем высоким лицам, к которым они обращаются) встречаются такие важные духовные деятели, как митрополит Иов, архимандрит Преображенского монастыря Феодосий, митрополит рязанский Стефан Яворский и др.» [11, с. 47].

С учетом датировки «копенгагенского» сборника началом XVIII в. можно говорить о том, что преподавание эпистологографии практиковалось братьями Лихудами не только в Заиконоспасском училище, но и во время их пребывания в Новгороде, где они учительствовали в двухстатейном училище в период своей ссылки. Тем самым расширялась дидактическая «география» академической представленности эпистологографии как учебного предмета, в основе которого лежали описательно-аналитическая систематика эпистолярных стилей и, соответственно, эксплицитная заданность эпистологографических норм и правил. Поэтому и процесс обучения выстраивался дедуктивно: от освоения соответствующих правил к самостоятельному созданию эпистолярных текстов. В то время как в букварных, или элементарных, училищах обучение эпистологографии было сугубо репродуктивным и результаты достигались за счет неоднократного переписывания учениками одного и того же образцового текста. При этом не следует забывать, что круг дидактических задач, решаемых этими учебными заведениями, определялся общинным запросом и не выходил за рамки содержательной конкретики функциональной грамотности. Тенденция утилитарно-прагматичного отношения к обучению сохранялась в провинциальных городах, в том числе и губернских, вплоть до начала XIX в. «Сие происходит от того, что родители учащихся не видят цели учения, в высших классах преподаваемого. Они почитают, что детям их нужны только предметы двух низших классов, да и то по причине чтения и чистописания, а прочия науки они почитают бесполезными... Всякий знает, что для снискания места в гражданской службе нужно одно токмо чистописание», – отмечал в своем ревизском докладе действительный статский советник О. П. Козодавлев после инспекторской проверки губернских народных училищ, произведенной им в 1789 г. по указанию Екатерины II (цит. по [12, с. 110]).

Именно дидактическим утилитаризмом определялось содержательное наполнение значительной части азбук-прописей конца XVII – начала XVIII вв., причем вне зависимости от профессиональной принадлежности их составителей. Вариативность закладывалась на уровне единственного дифференцирующего показателя, и это была служебно-деловая конкретика. Иными словами, образцовые письмовники, входившие в состав азбук-прописей, могли носить сугубо административно-церковный характер [3, с. 57], и тогда величание адресатов, формулярная структура посланий и писем, содержащих деловую информацию, текстуально выстраивались в тех коммуникативно-семантических рамках, которые были характерны для патриаршего двора. Либо же образцовые письмовники давали унифицированную основу номенклатуры приказного делопроизводства. В данном случае образцовый письмовник это не что иное, как сборник стандартизированных, трафаретно задан-

ных и репродуктивно воспроизводимых текстов сугубо делового содержания (как то: образцы челобитных, купчих, заемных кабал, образцы частной деловой переписки и пр.) [13, с. 13].

Впрочем, существовал еще один вид азбук-прописей с присовокупленным письмовником, а точнее, с семейным эпистолярным архивом, что было характерно для служилых дворянских родов. Эти азбуки-прописи предназначались для семейного обучения, передавались по наследству и могли содержать, помимо алфавитария, религиозно-этических максим и народных пословиц, списки с царских грамот о даровании привилегий, о пожаловании наград и о наделении поместьями, воеводские сдаточные ведомости, описи дел воеводской приказной палаты, личную и деловую переписку, записи судебных разбирательств и многое другое. Наиболее характерным примером таких азбук-прописей является азбука-пропись «Юрья Данилова сына Еремеева», описание которой было дано В. А. Преображенским в журнале «Временник Московского общества истории и древностей российских» за 1854 г. На обороте первого листа с двухстолбцовой азбукой-прописью имелась владельческая надпись: «Сия азбука Юрья Данилова сына Еремеева. Ету азбуку не одать, ни друга подарить. А буде кто украдет у меня, с темь суд буде на второмъ пришествие Христовомъ», а среди более поздних помет была и такая: «Аз сия азбука бывала ста Егория Данилова сына Еремеева, а нынече онъ Егори въ мертвечахъ изменяеца, а приказаль ету азбуку после съмерти своеі брату своему рошдъшому Степану Еремееву» (цит. по [14, с. 30]). Образцовый письмовник представлял собой вклейку, состоявшую из семейного эпистолярного архива (письма личного и делового характера, адресованные Даниле Ивановичу Еремееву, верхососенскому воеводе), двух списков с царских грамот, а также списка со «Сдаточной описи города Верхососенскаго» [14, с. 32–42].

Таким образом, процесс формирования эпистолографической традиции в отечественной дидактике к концу XVII – началу XVIII вв. приобрел двойственно параллельный характер. С одной стороны, развитие сугубо автохтонного направления, оформлявшегося на основе утилитаризма, прескриптивности и дидактического прагматизма, нацеленных на воспроизведение конкретики деловых документов и «формы актов, наиболее употребительных в практической жизни» [13, с. 4]. С другой же стороны – попытка рецепции эллинизированного варианта *ars epistolica* со свойственной ему разветвленной описательно-стилевой систематикой и относительно объемным реестром правил, задававших структурно-функциональный статус эпистолярных текстов, что в конечном итоге обусловило его локально дидактическую представленность. В то время как эмпирический утилитаризм и прескриптивность автохтонного варианта учебно-деловой эпистолографической традиции стали теми факторами, которые предопределили не только ее массовое тиражирование в процессе обучения письменной грамоте, но и последующий перенос этой традиции в новые дидактические условия, непосредственно связанные с утверждением русского языка в качестве отдельного учебного предмета.

Вместе с тем содержательное переформатирование азбук-прописей и закрепление в них учебно-деловых письмовников, сохраняя функциональное назначение учебных текстов-образцов в качестве имплицитно заданной и процедурно осваиваемой нормы, не только расширяла их культурный спектр от сакрального и религиозно-этического до секулярно-делового, но и уравнивала их статус в дидактическом плане. Тем самым в обучении письменной грамоте закреплялись тенденции параллелизма нормативно-семантического подхода, дидактически направленного на формирование однозначного понимания и безвариативного воспроизведения сакрально значимых смыслов, и прескриптивно-эпистолографического подхода, в рамках которого шло освоение деловой эпистографии через дисциплинирующую строгость структуры делового документа и нормативную принудительность исполнения документного текста. В соответствии с этим задавалась и определенная когнитивно-семантическая дифференциация, когда «слово-образ», «слово-символ», сохраняя свою прерогативность на начальном этапе обучения (азбука как «первообраз здравых словес»), «краткое сведение приточное», или ученический словарь библейской метафорики, религиозно-этические максимы и т. д.), дистанцировалось в структурно-содержательном плане от текстов «людоправного

строения», следовавших в русле единого реестра бюрократизированных размерностей (от унификации номинативной систематики «адресат – адресант» и шаблонно заданных документных формуляров до закрепления единой метрологической лексики).

Таким образом, основание процесса формирования отечественной учебно-деловой эпистолографической традиции фундировалось простейшей двухэлементной дидактической связкой, представленной в содержательном плане образцово-деловым письмовником, а в плане методического сопровождения – прескриптивно-эпистолографическим подходом, в рамках которого реализовывались два базовых и традиционных для «учения книжного» метода обучения, а именно: учительское слово и списывание. Вместе с этим возможность произвольного выбора документных образцов для учебно-делового письмовника предполагала необходимые уровни вариативности и адаптации процесса обучения деловой эпистолографии под конкретные общинные запросы и номенклатурную специфику территориальных делопроизводств. При этом самим фактом распространения учебно-деловой эпистолографической традиции, которая, по сути, являлась вариантом дидактического опосредования надсословного принципа «государевой» службы, не только предуготовливались посылы к освоению семантики административно-рационализированной канцеляристики, столь характерной для грядущей эпохи петровских преобразований, но и задавались дидактические перспективы для оформления прескриптивно-эпистолографического подхода как будущей основы процесса обучения в подьяческих школах, учрежденных по указу Петра I от 10 ноября 1721 г.

Список источников

1. Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М.: Языки славянской культуры, 2006. 608 с.
2. Маркс Н. А. Азбука-пропись времен царя Михаила Феодоровича. М.: Московский археологический ин-т, 1911. 16 с.
3. Борисов В. А. Грамотность шуян в XVII и XVIII столетиях и сведения о находившихся в Шуе училищах // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 84. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1854. С. 53–61.
4. Беседа трех святителей / Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 3. С. 169–178.
5. Мордовцев Д. Л. О русских школьных книгах XVII века. М.: Тип. Московского императорского университета, 1862. 102 с.
6. Демков М. И. История русской педагогики: в 2 ч. Ч. I. 2-е изд., испр. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 310 с.
7. Миропольский С. И. Очерк истории церковно-приходской школы. 2-е изд. СПб.: Тип. Глазунова, 1919. 222 с.
8. Полоцкий С. Обед душевный. М.: Тип. Верхняя, 1681. 771 л.
9. Ninivita I. D. *Commetarii grammatici. Parisiis*. Ed: Officina R. Stephani. 1537. 766 p.
10. Курбанов А. В., Спиридонова Л. В. Неопубликованное руководство братьев Лихудов по эпистолографии // Византийское содружество: традиции и смена парадигм: тезисы докладов XXII Всероссийской научной сессии византинистов. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2019. С. 92–93.
11. Яламас Д. А. Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Тип. ГНЦ РФ «НИОПИК», 2001. 60 с.
12. Левшин Д. М. Пажеский Его Императорского величества корпус за сто лет. СПб.: Тип. Товарищество художественной печати, 1902. 720 с.
13. Качалов Н. В. Азбуки-прописи (выписки из рукописных азбук и прописей конца XVII в. и начала XVIII в.) // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. СПб.: Тип. Имп. акад. наук; М.: Тип. Семена, 1861. Кн. III. Отд. 3. С. 3–18.
14. Преображенский В. А. Азбука, или Прописи для чистописания в конце XVII в. Юрья Данилова сына Еремеева // Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1854. Кн. 20. С. 30–32.

References

1. Bogoyavlenskiy S. K. *Moskovskiy prikaznyy apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vekov* [The Moscow order apparatus and office work of the XVI–XVII centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2006. 608 p. (in Russian).
2. Marks N. A. *Azbuka-propis' vremen tsarya Mikhaila Feodorovicha* [Alphabet alphabet from the times of Tsar Mikhail Feodorovich]. Moscow, Moskovskiy arkhologicheskij institut Publ., 1911. 16 p. (in Russian).
3. Borisov V. A. Gramotnost' shuyan v XVII i XVIII stoletii i svedeniya o nakhodivshikhsya v Shuye uchilishchakh [Literacy of the Shuya people in the XVII and XVIII centuries and information about the schools in Shuya]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Chast' 84 [Journal of the Ministry of Public Education. Part 84]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1854. Pp. 53–61 (in Russian).
4. Beseda trekh svyateley [Conversation of the three saints]. *Pamyatniki starinnoy russkoj literatury* [Monuments of ancient Russian literature]. Saint Petersburg, 1862. V. 3. Pp. 169–178 (in Russian).
5. Mordovtsev D. L. *O russkikh shkol'nykh knigakh XVII veka* [About Russian school books of the XVII century]. Moscow, Tipografiya Moskovskogo imperatorskogo universiteta Publ., 1862. 102 p. (in Russian).
6. Demkov M. I. *Istoriya russkoj pedagogii*. V 2 chastyakh. Chast' I [History of Russian Pedagogy. In 2 parts. Part 1]. Saint Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1899. 310 p. (in Russian).
7. Miropol'skiy S. I. *Ocherk istorii tserkovno-prikhodskoj shkoly* [Sketch of the History of the Parochial Church School]. Saint Petersburg, Tipografiya Glazunova Publ., 1919. 222 p. (in Russian).
8. Polotskiy S. *Obed dushevnyy* [Lunch of the soul]. Moscow, Verkhnyaya Publ., 1681. 771 l. (in Russian).
9. Ninivita I. D. *Commetarii grammatiki*. Parisiis. Ed: Officiana R. Stephani. 1537. 766 p.
10. Kurbanov A. V., Spiridonova L. V. Neopublikovannoye rukovodstvo brat'yev Likhudov po epistolografii [Unpublished manual of the Likhud brothers on epistolography]. *Vizantiyskoye sodruzhestvo: traditsii i smena paradigm: tezisy dokladov XXII Vserossiyskoj nauchnoy sessii vizantinistov* [Byzantine Commonwealth: traditions and paradigm shift: theses of reports of the 22nd All-Russian Scientific Session of Byzantinists]. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2019. Pp. 92–93 (in Russian).
11. Yalamas D. A. *Znachenije deyatel'nosti brat'yev Likhudov v svete grecheskikh, latinskikh i slavyanskikh rukopisey i dokumentov iz rossiyskikh i evropeyskikh sobranij*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [The Significance of the Likhud Brothers' Activities in a view of Greek, Latin and Slavonic Manuscripts and Documents from Russian and European Collections. Abstract of thesis dis. doc. ped. sci.]. Moscow, 2001. 60 p. (in Russian).
12. Levshin D. M. *Pazheskiy Yego Imperatorskogo velichestva korpus za sto let* [His Imperial Majesty's Pages Corps for One Hundred Years]. Saint Petersburg, Tovarishhestvo khudozhestvennoy pechati Publ., 1902. 720 p. (in Russian).
13. Kachalov N. V. *Azbuki-propisi (vypiski iz rukopisnykh azbuk i propisey kontsa XVII v. i nachala XVIII v.)* [ABCs-prescriptions (extracts from alphabet manuscripts and ABCs-prescriptions of the end of the 17th century and the beginning of the 18th century)]. *Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy, odnosyashchikhsya do Rossii* [Archive of historical and legal information relating to Russia]. 1861. Kn. III. Otd. 3. Pp. 3–18 (in Russian).
14. Preobrazhenskiy V. A. *Azbuka, ili propisi dlya chistopisaniya v kontse XVII v. Yur'ya Danilova syna Eremeeva* [Alphabet, or penmanship ABCs-prescriptions by Yury Danilov son of Yeremeev at the end of the 17th century]. *Vremennik Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh* [Temporary journal of the Moscow Society of History and Russian Antiquities]. 1854. Kn. 20. Pp. 30–32 (in Russian).

Информация об авторе

Карамышева С. Н., кандидат педагогических наук, доцент, Байкальский государственный университет (ул. Ленина, 11, Иркутск, Россия, 664003).

Information about the author

Karamysheva S. N., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Baikal State University (ul. Lenina, 11, Irkutsk, Russian Federation, 664003).

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; принята к публикации 26.04.2024

The article was submitted 21.08.2023; accepted for publication 26.04.2024